

Журнал “Социальная реальность” как социальная реальность

В 2003 году издательство Фонда “Общественное мнение” выпустило сборник работ А. Шютца “Смысловая структура повседневного мира” (научный редактор переводов Г.С. Батыгин). В других переводах эти работы вошли в книгу ученого “Избранное: мир, светящийся смыслом” (М.: РОССПЭН, 2004)

Графическое представление этих “контурных линий релевантности” показало бы их не как единое закрытое поле, а скорее как множество разбросанных по карте участков различных размеров и форм.
А. Шютц. Чужой

После выхода первого номера “Социальной реальности” в обсуждениях часто возникали вопросы о том, кому интересен и полезен журнал, кто мыслится его читателем, какова его потенциальная аудитория. Мне представляется, что ответы закодированы в самом названии журнала – что, впрочем, не всем и не совсем очевидно. Попробую схематично представить одну из версий раскрытия этого кода с использованием терминов Альфреда Шютца.

Начнем с того, что для человека *реальностью* является то, что он сам считает реальностью. Если кто-то верит в демонов, для него вполне реальна встреча с ними. А для тех, кто считает демонов плодом фантазии, такая встреча не-реальна. Впрочем, большинство людей не озабочены проблемой демонов, эта тема не релевантна их интересам – и, следовательно, просто находится вне их реальности. Можно сказать, что каждый из нас живет в границах своей реальности, причем в каждый момент эти границы свои и определяются структурой наших текущих практических интересов.

В центре субъективной реальности – актуальные дела, задачи, проекты, требующие максимального внимания и отчетливого понимания *рецептов* действий. Для меня, например, сегодня в этой центральной *зоне абсолютной релевантности* – журнал “Социальная реальность”. Вокруг нее – *зона относительно релевантных* средств и инструментов решения главных задач. О них надо иметь представление, но в них необязательно разбираться досконально: я представляю себе, как делается макет журнала, но, конечно, не вникаю в детали, доверяясь специалистам. Далее, в моей реальности есть *относительно иррелевантные* зоны, которые в настоящее время не имеют связи с актуальными интересами, – это дела и заботы, отложенные на потом или навсегда; они как бы застыли в неподвижности, вышли за рамки моего внимания и “дожидаются”, когда я к ним обращусь. Там, например, мой предстоящий отпуск, но он будет нескоро, и я о нем не думаю, хотя и предвкушаю. И, наконец, в *зоне абсолютной иррелевантности* – то, что вообще не имеет касательства к моей нынешней реальности. В том числе, например, вопрос о демонах, который имел бы, конечно, совсем иную значимость, если бы я работал в журнале по прикладной демонологии.

Мою реальность можно представить как карту зон релевантности. А другие люди живут в своих картах. С некоторыми из этих людей меня связывают общие дела и интересы, и наши карты, по идее, достаточно сильно пересекаются. Если это происходит, то образуется группа, внутри которой мы можем рассчитывать на взаимопонимание и вести совместную деятельность (например, издавать журнал “Социальная реальность”). Так возникает *мы-группа*. Бывает, что какие-то люди мне интересны, я пытаюсь понять их реальность и как-то совместить наши карты релевантности, чтобы войти в их *мы-группу*, стать для них “своим”. Для этого иногда приходится расширять, корректировать собственную карту релевантности. А иногда мне хочется “подправить” реальность другого человека, то есть навязать ему свою релевантность, втянуть его в свою *мы-группу* (этим занимаются, например, учителя и воспитатели). Во всех

таких ситуациях индивидуальные реальности частично совмещаются, образуются общие для разных людей фрагменты, называемые *социальными реальностями*.

Иногда мы-группа – несколько человек, но бывают и многомиллионные мы-группы, участники которых друг с другом не знакомы, но связаны общей социальной реальностью, обусловленной общим актуальным интересом. Так, в начале прошлого года образовалась гигантская мы-группа под названием “льготники”: примерно у трети взрослого населения страны возникла общая зона абсолютной релевантности, насыщенная озабоченностью и переживаниями по поводу замены льгот денежными выплатами. Можно сказать, что на наших глазах в социальном космосе вспыхнула сверхновая звезда. Возможно, впрочем, что здесь уместнее другая астрономическая метафора: газообразное облако (мы-группа “льготники” постепенно рассасывается по мере того, как “монетизация” входит в обиход). Но какими бы космическими объектами ни представляли мы-группы – звездами, галактиками, планетными системами, – друг для друга они чужие, так как карты релевантности, совмещенные и сопряженные внутри групп, для разных групп – разнородны и различны. Можно говорить на одном языке, но не понимать друг друга, если карты релевантности не пересекаются и нет разделяемой ими – социальной – реальности.

Есть мы-группы, как бы замкнутые на себя, своего рода группы-*интраверты*. Их участники живут и действуют внутри социальной реальности своей группы, а социальные реальности других групп находятся для них в зонах относительной или даже абсолютной иррелевантности. Но есть также группы-*экстраверты*. Смысл их деятельности состоит в создании социальных реальностей для других мы-групп. Например, мы-группы, облеченные властью, определяют социальный порядок и ведут общество “за собой”. Публичные мы-группы – журналисты, комментаторы, эксперты, деятели культуры – объясняют и растолковывают через масс-медиа свои версии социальной реальности. Учителя, и учителя учителей, приобщают к социальной реальности. Впрочем, в любой сфере есть экстравертные мы-группы: кто-то руководит, кто-то объясняет, кто-то обучает социальным реальностям этих групп. Банкиры приучают вкладчиков к обращению с деньгами, врачи призывают будущих пациентов правильно питаться, бизнесмены завлекают потребителей, политики и партии агитируют голосовать за себя, правозащитники объясняют, что такое хорошо и что такое плохо.

Так что миллионы людей непрерывно чего-то добиваются от других миллионов людей. Но только небольшая часть из них отдает себе отчет, что они занимаются конструированием и распространением тех или иных версий социальной реальности. Вот им-то – вдумчивым экстравертам – в первую очередь нужен журнал “Социальная реальность”.

Кроме того, есть относительно малочисленные мы-группы, называемые в просторечии социологами, хотя это довольно приблизительное и неточное обозначение. Скорее, это *наблюдатели* различных социальных реальностей, своего рода астрономы социального космоса. Эти мы-группы нельзя назвать экстравертными: в отличие от политиков, политтехнологов, журналистов и социальных инженеров они не занимаются воздействием на социальные реальности других групп. Нельзя назвать их и интравертными, так как, если они будут рассказывать о результатах своих наблюдений только друг другу, их работа потеряет практический смысл. Социальным наблюдателям тоже нужен журнал “Социальная реальность”, причем не только чтобы его читать, но и чтобы делиться на его страницах своими наблюдениями.

Александр Ослон

президент Фонда “Общественное мнение”,
главный редактор журнала

Конечно, он и я будем иметь различные системы релевантностей и различное знание об общем окружении, если не по какой-то иной причине, то потому, что он видит из Там все то, что я вижу из Здесь. Тем не менее внутри этого общего окружения и внутри зоны общих интересов я могу установить социальные отношения с индивидуализированным Другим... Свободно обращаясь друг к другу, свободно “согласовывая” (“гармонизируя”) себя друг с другом, мы имеем по меньшей мере некоторые общие внутренние релевантности.
А. Шютц. Хорошо информированный гражданин

Как научные наблюдатели социального мира мы испытываем к нему не практический, а когнитивный интерес. Это значит, что мы не действуем в нем с полной ответственностью за последствия своих действий, а скорее созерцаем его с таким же хладнокровием, с каким физики наблюдают за проведением своих экспериментов.

А. Шютц. Проблема рациональности в современном мире